

МИХАИЛ И ЕЛИЗАВЕТА МУКАСЕИ: ТАКОВА НЕЛЕГАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ...

За десятилетия странствий по миру у них не было ни одного прокола. У контрразведки противника ни намек на подозрение. Незаметным было возвращение «Х» и «У» домой, где их ждали честно заработанные почет и уважение. И, как полагается в таких случаях, полная тишина.

И если бы не их сын — кинооператор Анатолий Мукасей и его жена — киноактриса, режиссер Светлана Дружинина с их искренней гордостью за близких людей, разведчики-нелегалы Михаил и Елизавета Мукасеи до сих пор не были бы известны широкому кругу читателей.

Михаил Исаакович и Елизавета Ивановна (Майкл и Бетси соответственно) — пусть в конце жизненного пути — должны были получить хотя бы толику причитающейся им славы, публичного признания. К чести руководства Службы внешней разведки (СВР) следует сказать, что оно свой долг перед ветеранами выполнило. А они, классики нелегальной разведки, действительно нуждались в поддержке. Михаил Исаакович носил черные очки с мощными линзами. Однако не помогали ни оптика, ни операции — зрение было почти потеряно. Елизавета Ивановна в последнее время передвигалась по квартире на кресле-каталке. Ее сильно беспокоили ноги...

В Белоруссии, в своем родном Замостье, где было около 350 дворов и жили одни поляки, Майкл освоил польский язык. Сын, племянник и внук кузнецов с десяти лет помогал

старшим в кузнице. А потом рванул в Питер. Днем — кузнечный цех Балтийского судоремонтного, вечером — рабфак. Затем поступил в университет.

После окончания университета — повестка. Михаила Мукасея вызвали в Центральный Комитет ВКП(б). Его и других молодых и образованных людей от станка приветствовал член Политбюро ЦК. Он сказал: «Вы командируетесь на новую работу». Один из приглашенных пытался уточнить: а что за работа? На что получил ответ в духе времени: «Вот когда вы туда придете, там вам все и объяснят». Так и произошло.

В конце 30-х годов для Михаила Мукасея началась учеба в разведшколе. По интенсивности и напряжению это ученичество было сравнимо разве что с чисткой котлов на «Балтийском».

11 июля 1939 года супруги Мукасеи с двумя детьми поспешили в Штаты. Им предстояло работать в Лос-Анджелесе под крышей советского консульства. На второй день после их приезда в консульство пришел молодой американец. Представился: «Я из местной службы безопасности, хотел бы с вами поговорить». Разговор длился два часа. После этого Михаил сразу полез в подвал. Там он обнаружил кучу каких-то непонятно к чему подключенных проводов, а телефон на все консульство — один. Все провода, кроме телефонного, Мукасей обрезал. Через 15 минут приехала машина, и работавший под монтера парень уверенно заявил: «У вас с телефоном что-то не в порядке». Конечно, новеньким разведчикам многое стало ясно уже в самом начале.

Следует заметить, что сам по себе Лос-Анджелес для разведки оперативного интереса не представлял. Но многие звезды кино, писатели, интеллектуалы были вхожи в высшие государственные сферы. Им доверяли тайны даже американские президенты. Особенно Рузвельт. Он обожал пооткровенничать с элитой. Иногда сведения от секретаря консульства, а затем и вице-консула Мукасея шли в Центр со ссылкой на источник — из кругов, близких к президенту.

У четы Мукасеев отношения со знаменитостями завязывались теплые и доверительные. Писатель Теодор Драйзер звал их просто Майкл и Лиз. Захаживал к ним в гости знаменитый музыкант Леопольд Стоковский. Мукасей бывал частенько в Академии искусств и на встречах с писателями. Почему-то сразу сошелся с Чарли Чаплиным. Вот как вспоминает о нем Елизавета Ивановна:

— Обаятельный был человек. При знакомстве сразу признался, что любит советских людей, а женщин — в первую очередь. Приходил к нам в консульство, и его встречали «на ура»! Миша угощал его всегда согревающими душу напитками, и тот почти никогда не отказывался — умел выпить. А за три недели до праздника Октября муж всегда приезжал к Чаплину домой, сажал его в свою машину и привозил в свой офис. Там Чарли Чаплин записывал на диск приветственную телеграмму для советского народа. И однажды Чаплин произнес: я люблю вас всех, ваших детей и даже ваших животных. Муж тогда все это себе «наматывал на ус». У нас в то время были хорошие отношения с нашими моряками, которые совершали регулярные рейсы между СССР и Штатами. И Миша поехал на корабль, попросил капитана сделать для Чаплина что-нибудь приятное. И уже в следующий рейс матросы привезли в подарок Чаплину лесного бурого медвежонка. Ласковый попался зверюшка и сразу полез к Чаплину миловаться.

У нас даже снимок есть: Чаплин целуется с русским мишкой, которого, конечно же, прозвали Чарли. Он долго жил у Чаплина дома, а когда вырос, актер передал его в местный зоопарк.

Михаил и Елизавета познакомились тем временем с Мэри Пикфорд и Дугласом Фербенксом. Поразили их и чудеса Уолта Диснея. Он относился к советским людям с подчеркнутым дружелюбием. Запомнил высокого русского и его симпатичную жену из консульства. Однажды даже показал, как рисует своего уже тогда знаменитого Микки Мауса.

Но Мукасеи четко усвоили для себя одно обстоятельство: все эти почести и знакомства происходили благодаря тому, что они представляли великую страну — Советский Союз. Это было абсолютно правильно. И еще тут следует добавить, что Майкл и Бетси были симпатичной — и в прямом, и в переносном смысле — парой. Американцы, да и люди из других стран, где им пришлось побывать впоследствии на положении нелегалов, это сразу чувствовали. Контакты и отношения устанавливались естественно, а не по долгу службы.

Конечно, смысл пребывания в Лос-Анджелесе заключался не в светских приемах. Появились ценные источники информации. Тот же Чаплин не раз предупреждал: Гитлер нападет на вашу страну. И Мукасей немедленно передавал такие сообщения в Центр. Да если бы тревогу бил только Чарльз Чаплин... Все ждали большой войны. Кто-то из американцев лишь намекал на это, а были и такие, что били в набат: «нацис» наплюют на все эти бесполезные пакты о ненападении, кому вы поверили?.. И лишь в Москве, к их удивлению, именно на эти сигналы реагировали, мягко говоря, слабо.

Но грянуло. Не могло не грянуть. И многие американцы, русские эмигранты, которые раньше воротили нос от Советов, потянулись в консульство. Да, Мукасей работал в разведке. Но он оставался и настоящим дипломатом. Он чувствовал ответственность и перед своей попавшей в беду страной, и перед доверившимися ему американцами.

Руководство Центра завалило заданиями. И Мукасеи добывали информацию, давая шанс аналитикам из Центра делать выводы для принятия соответствующих решений.

В Лос-Анджелесе произошел забавный случай. Американцы, по согласованию с нами, установили в консульстве аппарат наподобие телетайпа для передачи телеграмм. Михаил передавал жене бумажки с соответствующими текстами, и она в любое время дня и ночи отправляла до-

несения в Москву. Для нас аппарат оказался очень дорогим подарком.

Когда началась война с фашистской Германией, в Москве ломали голову: что предпримут японцы? Неужели агрессоры придут и с Востока? Требовалась информация по данной проблеме.

В Лос-Анджелесе к тому времени вольготно расположилась целая японская колония. Да и американцы до Пёрл-Харбора торговали с Японией довольно активно. Ездили туда толпами.

Теперь же срочно потребовались знакомства не только с голливудской стороны. И Михаил Исаакович вступает в контакт с торговцами. Тут ему помог один антиквар, у которого был бизнес с японцами. Вот уж кто щедро делился своими впечатлениями. Из всего услышанного и разведанного складывалось следующее впечатление: японцы на войну с СССР пока не решатся. Михаил Мукасей писал по этому поводу длинные депеши в Москву. Сомнения, конечно, были у каждой стороны: и у нелегалов, и в Центре.

Но когда дивизии сибиряков перебросили с Дальнего Востока под Москву, разведчики поняли: в Москве их информация без внимания не осталась. Источники Мукасея подтверждали информацию, переданную из Токио разведчиком Рихардом Зорге.

Однажды Елизавета Ивановна рассказала историю, которая ей дорога и видится пророческой, а вот Михаил Исаакович, не слишком веривший в мистику, считает происшедшее совпадением.

Это случилось в антикварном магазине. Его владелец поддерживал контакты с Японией и был для разведчиков небезынтересен. Как-то в его магазине появился большой пакет из Японии с загадочной надписью: «Кто поймет, от кого этот подарок, тому его и вручите». И Майкл интуитивно, как считает Елизавета Ивановна, почувствовал, что это от Рихарда Зорге. Возможно, Мукасей что-то знал заранее.

Пакет вскрыли — и действительно, он пришел от Зорге без указания адресата и хотя бы какого-то имени. Просто: «Это моим друзьям».

Подарком оказался чудесный серебряный кофейный сервиз, который и по сей день хранится в семье нелегалов как реликвия. Не склонный в иные моменты к подробностям, Михаил Исаакович никаких комментариев по этому поводу не давал.

Вернувшись из Лос-Анджелеса в Москву, Михаил Мукасей работал в специальной разведывательной школе заместителем начальника учебной части. Вместе с двумя генералами и другими старшими офицерами «готовили разведчиков для зарубежной работы». И однажды стать нелегалом предложили ему самому.

В нелегальной разведке он проработал более 20 лет. Вместе с женой они побывали во многих странах. Каких?..

— Я лично, — рассказывал Михаил Исаакович, — имел возможность бывать в разных странах. Документы у меня были хорошие. А легенда была тяжелейшая. Не из бахвальства скажу, не каждый разведчик был бы в состоянии ей следовать... В моей семье во время гитлеровской оккупации погибли 30 человек. В места, где смерть настигла моих родных, мы ездили. Людей, которые выжили, осталось мало, по пальцам можно пересчитать.

Я нашел человека, который прошел через концлагерный ад. Всю его биографию я взял, один к одному, на себя. А данного человека с помощью наших властей постарался отправить в Израиль. Туда же выехал и его отец. Дальше развивать эту тему нельзя.

Теперь что касается иностранных языков. Рабочими были английский и немецкий, немного говорил по-французски. Бенгальский тоже не помешал. С женой общались когда на немецком, когда на польском, на английском...

Если надо было обсудить какой-то сложный вопрос, приходилось говорить на родном русском. Но только не дома

и не в машине. В этом случае мы выезжали за город, оставляли машину — и ходили, обсуждая проблемы на русском языке.

Следует помнить: легенда — как метод работы в разведке — имеет превеликое значение.

С переездом в один из провинциальных городов, перейдя на документы, соответствующие легенде, Зефир (псевдоним Михаила Исааковича) приступил к поиску места постоянного жительства. Одновременно он себе поставил задачу — найти работу коммерческого характера в случае удачного выезда «на родину». Зефир понимал, что для него в условиях страны его будущей работы занятие коммерцией будет важным и интересным.

Причиной избрания этого рода деятельности было то, что, как правило, большинство коммерсантов обладают солидными средствами. Правда, никто в карман к ним не заглядывал и не считал содержимое. Поэтому можно было иметь мало средств, но считаться человеком зажиточным и занимающим определенное положение в обществе. Зефир часто общался с человеком, которого именовал Зигмундом. Тот рассказывал ему о тонкостях профессии, и в результате этого общения у Зефира создалось впечатление, что он вполне освоил коммерческое дело и при «оседании» в стране будущей работы попробует этим заняться. Кроме того, Зигмунд дал наводку на некоторых лиц еврейского происхождения, которые остались в живых после гетто, что как раз и облегчило выбор человека, по легенде которого в дальнейшем Зефир жил и работал. Вот как об этой жизни Михаил Исаакович вспоминал:

— Чем мы занимались за рубежом? В основном предпринимательской деятельностью. Мы имели возможность и право заключать всякие торговые сделки с любой страной и фирмой. Главным образом я занимался тем, что являлся посредником между покупателем и продавцом. За это получал проценты. И, конечно, использовал знакомства по разведывательной линии. Публика, с которой мы были связа-

ны, давала нам объективные сведения о ходе и состоянии дел на рынках различных стран.

У нас были на связи по несколько агентов, и мы получали от них информацию, документы, передавая затем эти сведения в Центр. Это наша практическая жизнь и работа. Между нами и Центром была двусторонняя связь.

Язык — это чуть ли не самое главное оружие разведчика. Искали однажды, ну, предположим в Амстердаме или в Антверпене, нашего пропавшего человека. Он три месяца не выходил на связь, и Центр дал указание: найти, узнать, в чем дело, и помочь.

Приложив определенные усилия, мы отыскали судно, на котором он плавал. Называлось оно «Eagle» — по-русски «Орел». Когда я на немецком попросил, чтобы нас с женой доставили на этот стоявший на рейде корабль, даже разговаривать с нами не захотели.

Это было в середине 50-х, и, видимо, не угадал я с языком: тогда, случалось, немецкий кого-то не устраивал. Нас прямо окатили презрением. Так что утро выдалось неудачным, но мы решили снова еще раз рискнуть, но уже вечером.

Я по-другому оделся (пригодился парик) и требовательным тоном на простецком английском заявил, что нам, прямо сейчас, необходимо попасть на «Eagle». Командный тон произвел впечатление. Нам сразу предложили сесть в моторку, что мы с моей половиной и сделали.

Подшли к судну, вскарабкались. Смотрим, вон он, наш человек, работает на палубе. Правда, к тому времени Центр на всякий случай изготовил документы — пропавший моряк является родственником моей жены. Но документов никто не спрашивал, и мы обратились к старшему с просьбой: «Не могли бы мы увидеть мистера такого-то?»

А нам: «Вон ваш мистер, палубу драит».

Словом, встретились. Пропал же он потому, что решил развлечься и купил себе мотоцикл. Покатался так, что попал в аварию и на три месяца загремел в больницу.

Это, между прочим, говорит о том, что в выборе развлекательный разведчик должен быть крайне осторожным. А мой коллега отличался отчаянной смелостью. Раньше был помощником капитана большого корабля. Немецкая бомба попала в его судно, и командир погиб. Тогда наш друг взял на себя командование и привел горящий корабль в Ленинград. Он сам был родом оттуда. Мы с Елизаветой Ивановной, отыскав его на «Орле», потом долгое время работали с ним за рубежом.

Вообще, в разведке случается, что лицо, с которым наша Служба работает, вдруг если и не исчезает, то выпадает из поля зрения. На связь не выходит, и найти его бывает непросто. Обстоятельства тут самые разнообразные. Как-то такое произошло с одним работником — не русским, не советским, но нашим в полном смысле слова. Этот случай интересен.

Осел этот иностранец со своей женой в европейской стране, работает долгое время и довольно успешно. А потом внезапно всякая связь с ним прекращается. Центр — в тревоге, ведь все может быть. Что если кто-то его опознал или сам где-то в работе промахнулся? И тогда Центр дает мне задание: разыскать фирму, где трудится этот человек, и прояснить ситуацию. Пришлось ехать в другую страну. Нахожу его компанию, пару дней покрутился рядом и иду на встречу. На двери медная табличка с названием фирмы и фамилией интересующего меня господина. Нажимаю кнопку, вхожу. Принимает меня его жена, дама такой красоты, что если бы не было у меня моей Елизаветы Ивановны, то я мог бы и влюбиться.

Знаю, что и он и жена говорят по-английски, поэтому обращаюсь к ней на этом языке с просьбой предоставить мне возможность увидеть мистера такого-то. По-моему она поняла, откуда посетитель, и попросила зайти попозже: сейчас, мол, его нет, когда будет — сказать трудно. Пришлось проявлять решительность. Отвечаю, что ограничен во времени, останусь с ее любезного позволения, ждать господина пря-

мо здесь. Женщина покраснела. Одет я нарочито хорошо, что в этой стране ценится, выставлять меня неудобно. Через 20 минут приходит и он сам. Я ему — пароль, он мне — отзыв, и все правильно. Он предлагает выйти на улицу и поговорить там, ибо в конторе неудобно. Идем, выбираем удобное место на пешеходной дорожке на мосту, можно идти и разговаривать.

Спрашиваю его, чем объяснить, что такого-то числа, а затем и такого-то он не явился на встречу? Он мне в упор: вы кем будете? С достоинством отвечаю, что представитель Центра. И вдруг человек, которого считали уж таким нашим, выпалил на английском: я вас не люблю.

Беру себя в руки и объясняю, что любовь или нелюбовь мало меня интересует, по крайней мере меньше, чем причина, по которой он пропустил несколько встреч. Говорю, что я очень исполнительный, и коль мне дано задание проверить, то я его выполню и просто не смогу иначе. Он дает мне понять, что я, быть может, не тот человек, с которым ему можно вести дело. Тогда, чтобы как-то расположить строптивного господина, начинаю говорить с ним по-русски. И то ли от волнения, то ли от того что долго на родном ни с кем не беседовал, русский язык у меня получается ломаным. Чувствую, собеседник мой еще больше насторожился. И тогда предлагаю: ждите такого-то числа доверенного от Центра, который подтвердит, что я именно тот, с кем вы должны разговаривать о сотрудничестве.

Доверенный из Центра с ним встретился, связь была восстановлена, и этот мистер стал опять на нас работать. А потом выяснилось, почему он вдруг прекратил выходить на связь. Не нравился напарник, который с ним должен был поддерживать связь. Грубо вел себя с нашим другом. Господи, друг так и сказал: если бы это были вы, то и продолжил бы. Пытаюсь ему втолковать, что тут уж выбирает начальство. Однако он ни в какую. Но уговорил-таки. И долгие, долгие годы мы были такими хорошими связными.

Однажды с нами чуть не случилась неприятность. В первые годы радиопередатчик у нас был громоздкий — весил 16 кг. Это потом, за два десятилетия, технику усовершенствовали, и мы в последние годы получили новейшие аппараты. А тот, пудовый, таскать никуда было нельзя и спрятать было тоже сложно.

Однажды утром читаем в газете, что вчера на соседней улице в таком-то доме произведен обыск на предмет пресечения работы нелегального радиоаппарата. Когда мы вышли из дома, где сняли временное жилье, по улице курсировали машины с антеннами — пеленгаторы.

А произошло следующее. Во время радиосеанса с Центром, когда Елизавета Ивановна передавала сообщение, в нашем передатчике отказала лампа и сеанс длился дольше обычного. Но повезло нам и на этот раз. Наше жилище находилось по счастливому стечению обстоятельств на уровне их государственной радиостанции, которая тоже наверняка работала во время нашего сеанса с Центром. И мы оказались как бы в стороне. Заподозрили кого-то другого. Но дальше рисковать нам было нельзя, и мы временно прекратили выходить на связь. Держали паузу около трех месяцев.

А вот еще случай, который может произойти с каждым, даже самым гениальным разведчиком. От такого случая нет спасения, и кто бы, где бы и как бы ни учил вас, никакая наука и никакие профессиональные ухищрения не помогут. Разве можно избежать случая?

Было это давно, когда я во время подготовки к нелегальной работе находился в одной из стран Европы. Однажды вечером я возвращаюсь домой. И тут встречается мне прохожий, который с большим изумлением на русском языке спрашивает: «Миша, что ты здесь делаешь?» Я, с испугу вылупив глаза, смотрю на него. Тогда он мне на английском: «It is possible?» — возможно ли это? Молчу, просто молчу. Он отошел, но через секунду снова подбежал ко мне: «Миша Мукасей, ты не помнишь, как мы вместе бывали в консуль-

стве?» Как же мне не помнить! Семья выходцев из России, жили в Америке, мама его преподавала у нас в консульстве в Лос-Анджелесе английский язык, а он был в те годы подростком. А тут превратился в молодого красивого джентльмена, которому я прямо говорю: «I do not know you» — я вас не знаю совсем. Разошлись, и, к счастью, без оперативных последствий. Такие встречи происходят, и довольно часто. Для некоторых моих коллег они заканчивались не столь удачно.

Во время событий в Венгрии в 1956 году мы с Елизаветой были уже в Европе. Повстанцы относились к коммунистам жестко, зло, и то, что Хрущёв послал туда войска, мы посчитали тогда правильным. А вот о событиях в Чехословакии, о Пражской весне писали в Центр открыто: наше правительство совершает большую ошибку. В донесении мы прямо указывали, что чехи будут помнить обо всем лет сто и превратятся в наших врагов. Мы бывали в этой стране неоднократно и обстановку там знали очень хорошо.

По поводу Израиля у нас было собственное мнение. Однажды мы прибыли туда месяца на три. Только что закончилась война 1967 года, и когда мы ездили по отдельным районам, еще взрывались бомбы. Центром нам была поставлена конкретная задача. Для ее выполнения требовалось найти компетентных людей, которые были бы в курсе того, что собирается предпринять правительство Израиля в дальнейшем по отношению к арабскому миру. Удалось найти человека, который был не просто в курсе событий, но и сам стал выяснять для нас многое. В свое время он состоял в правительстве, потом его уволили и здорово этим озлобили. Он не знал тогда, на кого работает, — мы все расспросы вели очень осторожно. Но в остальном он знал действительно очень много. Были и другие высокопоставленные источники. Это позволило нам еще в 1970 году сделать определенный вывод: Израиль может пойти на некоторые уступки арабам, в том числе и палестинцам. Но только не за счет Иерусалима.

Тут они голову положат, но его ни за что не отдадут. Я так и сообщил в своем донесении. Тогда этот мой отчет в Центре восторга и понимания не вызвал. Прошло более 30 лет. И я счастлив, что тогда не ошибся!

В конце декабря 1952 года — первого года пребывания на нелегальной работе — Лизу вызвали в Центр на инструктаж по двусторонней связи, а я получил указание срочно выехать в Париж и отыскать нелегала «К», который после перенесенной операции находился в больнице в тяжелом состоянии и нуждался в помощи.

Мне сообщили имя и фамилию «К» по легенде, а также название больницы, где он должен находиться. В подтверждение того, что я был своим человеком, товарищем по работе, мне вручили фотокарточку семьи «К» и назвали пароль.

Перед властями я должен был выступать как близкий родственник больного — муж двоюродной сестры (мать Лизы якобы была родной сестрой матери «К»). Легенда была разработана Центром. Мне предоставили полную свободу действий, так как ничего не было известно о положении этого нелегала. Предстояло любым способом связаться с «К».

Накануне Нового года я приехал в Париж и прямо с вокзала отправился в больницу. В приемной за регистрационным столом сидела пожилая медицинская сестра в длинном черном одеянии. Накрахмаленная белая треуголка на голове и распятие Иисуса Христа на груди свидетельствовали о том, что она католическая монахиня. На столе перед ней лежала толстая регистрационная книга.

Я снял шляпу, вежливо поздоровался и робко проговорил: «Я родственник больного “К”. Не можете ли вы мне сказать, в какой палате он лежит? Могу ли я его увидеть?»

Медицинская сестра знала немецкий язык и, приветливо улыбаясь, пригласила меня присесть. Она взяла регистрационную книгу и стала ее перелистывать. Я увидел множество фамилий, против которых стояли черные кресты... Сестра продолжала листать книгу, пока, наконец, не нашла страни-

цу, где значилась фамилия «К». Она молча провела пальцем под этой фамилией, как бы проверяя правильность записи, и показала на черный крест и число. Я окаменел...

После затянувшегося молчания сестра встала и скорбно объявила: «26 декабря в четыре часа утра ваш родственник скончался». Видя, что известие причинило мне большое горе и что я не могу справиться с волнением, монахиня принялась меня успокаивать: «На том свете ему будет хорошо». Стала бормотать себе под нос молитву, пока я не пришел в себя. Потом попросил медсестру, которая ухаживала за «К» и присутствовала при последних минутах его жизни. Необходимо было поговорить с ней о болезни и смерти родственника. Беспокоила мысль, не оставил ли «К» улики, компрометирующие его как советского разведчика. Нужно было разыскать место работы, его квартиру. Все данные для начала розыска я мог получить только в больнице. Ко мне подошла другая монахиня, которая сообщила, что она провожала «К» в последний путь, и с упреком спросила: «Почему никого из родных не было перед смертью?»

Я объяснил, что незадолго до болезни навестил его и что семья не подозревала, что «К» в таком тяжелом состоянии. Телеграмма же пришла поздно. Никто и не допускал такого исхода.

«Ваш родственник умирал в сознании и в полном одиночестве. Он говорил, что у него нет родных! Целуя крест священника, он закрыл глаза, из которых скатилась чистая, как роса, слеза, и затих навсегда».

Я был потрясен услышанным, потом спросил сестру, не знает ли она адрес похоронного бюро. Когда вышел из больницы, в городе царил праздничное оживление. Был канун Нового года. Главные улицы сверкали огнями реклам, разноцветных фонариков и гирлянд, зазывали крикливые названия ресторанов и кабаре, витрины магазинов радовали глаз. Все это никак не вязалось с моим настроением и даже раздражало меня. Было тяжело сознавать, что из жизни пре-

ждевременно ушел молодой разведчик. Он умирал в полном сознании, унося с собой тайны Родины. Целуя крест католического священника, до последнего вдоха он не отступил от своей легенды. Я снова и снова вспоминал слова монахини — «чистая, как роса, слеза!» Да, чистая, как роса, жизнь!

Был поздний час, когда я отправился на ночлег в гостиницу. Запах табачного дыма и вина, гомон подвыпивших гостей, веселая музыка — все было отвратительно. Может быть, именно чувство одиночества, оторванности от товарищей ускорило его смерть? Кто знает, может быть, у «К» хватило бы сил побороть смерть, если бы рядом с ним был товарищ по работе? Я провел бессонную ночь.

В истории известны случаи, когда люди, одержимые чувством долга, могли задержать смерть до выполнения ими приказа или задания. Я думал о героях, павших на полях сражения Великой Отечественной войны, — их имена известны всей стране! Но не вражеская пуля сразила нашего нелегала. Он погиб на чужбине в безмолвии и до конца исполнил свой долг. Когда-нибудь потомки назовут его имя — в числе героев.

Мучительно медленно наступало утро. Надо действовать. Нужно узнать все о жизни «К», его работе, побывать на квартире.

В похоронном бюро меня встретил мужчина средних лет, он был элегантно одет и, вероятно, благодаря этому своей внешностью походил на английского лорда. Выразив сочувствие, Лорд рассказал, что похороны «К» были очень бедными и хоронил его очень бедный человек, назовем его Луис, который даже не мог оплатить все расходы. Лорд назвал адрес этого человека.

Я без труда нашел улицу и дом, где жил Луис. Нажал на кнопку звонка. В коробке домофона послышались непонятные звуки. Не разобрав слов, но предполагая, что спросили: «Кто там?», я сказал в микрофон: «Хотелось бы видеть господина Луиса». В домофоне раздался щелчок, и он

включился. Я решил подождать, может быть, кто-нибудь выйдет. Действительно, через несколько минут из подъезда вышел мужчина невысокого роста, брюнет, с вьющимися волосами, бедно одетый, с заспанным лицом. Он недовольным голосом спросил: «Кто Вы? Что Вам нужно?» Плохо понимая по-французски, я попытался выяснить, не говорит ли Луис по-немецки.

Луис принял развязный вид, засунув руки в карманы, и вызывающе заявил:

— Знаю немецкий. В годы войны был в плену в Германии. Кто вы такой? Зачем я вам понадобился?

Я не растерялся и спокойно продолжил:

— Господин Луис, вы знали «К»?

— Конечно, я работал продавцом у него в магазине.

— Мне очень приятно с вами познакомиться, вы были близким «К» человеком?

— Еще бы! Я не только у него работал, но я был единственный, кто о нем заботился. Потом хоронил его. Почему вы об этом спрашиваете?

— Я родственник «К», муж его двоюродной сестры. Мать моей жены и мать «К» были родными сестрами. Мы вам очень благодарны за все.

Луис иронически взглянул на меня и сказал:

— Хорош родственничек! Где вы были, когда он болел?

Потом, прищурившись, посмотрел на меня и продолжил:

— Пойдите, пойдите, так вы говорите, что являетесь ему близким родственником? Этого быть не может! Ведь у него никого не было. Его мать, жена и ребенок умерли. Он был совсем одинок.

— Это неверно. У «К» остались родные, это мы... В августе прошлого года он тяжело болел и приезжал к нам, вместе с ним я посетил известного профессора, который посоветовал не делать операцию. Он не послушался совета доктора.

— Это верно — ему советовали не делать операцию. У него просто было нервное заболевание желудка. Нервы надо было

ему лечить, а не резать желудок. Я никак не ожидал, что он умрет...

Луис опустил голову и замолчал.

— Скажите, господин Луис, осталось ли какое-либо хозяйство у «К»?

— Экспортно-импортный магазин, небольшой и небогатый. Товаров там почти нет. Хотя кое-что из торгового инвентаря уцелело. У меня хранится завещание «К», из которого следует, что все оставшееся имущество он передает мне.

— Не думаю, что он оставил завещание на ваше имя. Зачем бы ему это было делать? У него же есть двоюродная сестра, которую он очень любил, и я могу это доказать.

Луис начал верить. Он пригласил меня к себе домой, познакомил меня с женой, двумя сыновьями и дочерью. Представляя меня своей семье, Луис сказал: «Вот вам новогодний подарок! Объявились родственники “К”. Знакомьтесь!» Потом, порывшись в ящичке стола, он достал и передал мне свидетельство о рождении, свидетельство о браке, паспорт «К», сказав, что документы, связанные с торговыми делами, находятся в сейфе в магазине. Я решил не отступать и попросил его проводить меня в магазин, который находился в этом же доме на первом этаже. В углу магазина стоял наполовину заполненный мешок с бразильским кофе да кое-какой торговый инвентарь — лотки, весы, баки и пр. Луис открыл сейф, и я не обнаружил там ничего, кроме неоплаченных счетов. Он уверял меня, что у «К» имеется капитал в каком-то швейцарском банке, но денежные документы находятся у нотариуса. Дальнейшие шаги мне нужно было обдумать.

Расставаясь, я попросил у Луиса ключи от квартиры «К» и тотчас же отправился туда. Квартира находилась на втором этаже старого дома, рядом с шумным рынком. Под окном находилась помойка с отбросами, отравляющими воздух зловонием тухлой рыбы и гнилых овощей. Вероятно, поэтому окна квартиры были наглухо забиты.

Квартира выглядела такой же маленькой, как магазин: две комнаты и небольшая кухня. Отсутствовала даже ванная. В одной комнате стояла старая кровать с рваным матрасом, как будто специально распоротым. Постельного белья и подушек не оказалось, все в квартире выглядело так, словно там был погром. У меня мелькнула мысль, не побывала ли здесь полиция. Однако ничего такого, что давало бы повод заподозрить жильца в недозволенной деятельности, заметно не было.

На следующий день я вместе с Луисом поехал на кладбище. Свежая могила, деревянный крест с дощечкой, на которой начертаны имя и фамилия «К» (по легенде), дата его рождения и смерти. Все так подействовало на меня, что я не мог сдержать слез. Заплакал и Луис. Искренность моего переживания рассеяла у него последние сомнения.

Затем я решил проконсультироваться у адвоката, каким образом можно оформить наследство. Адвокат был любезен, но непреклонен. Он пояснил, что для юридического оформления наследства необходимо представить ряд документов.

С материальной точки зрения наследство в 40 американских долларов не представляло интереса для нас, но сам факт наличия родственника, пусть даже покойного, подкреплял нашу легенду — это было важно.

Жизнь показала, что «круглые сироты» стали редким явлением. Нашим нелегалам не следует пренебрегать такими исключительными людьми. Если отсутствие близких родственников легко можно было объяснить перед окружающими сразу после окончания Второй мировой войны, когда миллионы людей погибли или растеряли родных, то теперь одинокое положение вызывало недоверие. Легенды разведчиков-нелегалов выглядели бы гораздо правдоподобнее, если бы им удавалось «находить» родственников, знакомых, друзей детства и так далее. С этим я и возвратился в Швейцарию.

Весть о смерти нашего родственника быстро распространилась среди знакомых. Теперь наша легенда больше ни у кого

не вызывала сомнений. Все знакомые стали принимать самое горячее участие в получении нами наследства, а я умышленно поддерживал версию о «значительном» капитале. Особенную активность проявляли люди, которых обозначим как Куница и Соболев, заинтересованные в том, чтобы их компаньон вложил в фирму дополнительные средства. Но как действовать? Ведь документов, подтверждающих родство «К» и Лизы, не было! Было принято решение передать свидетельство о рождении Лизы, изменив девичью фамилию ее матери на фамилию, указанную в свидетельстве о рождении «К».

На старую легенду нагромождалась новая. Но это было вызвано интересами оперативной работы. Свидетельство было готово довольно быстро, и мы выехали в Париж для оформления наследства.

Выезды по наследственным делам служили надежным прикрытием для нас при выполнении заданий Центра в других странах. Всем нашим знакомым было известно, что мы едем получать наследство. Рассмотрение наследственных дел иногда затягивается на многие годы, поэтому наше отсутствие было вполне оправданным.

В Париже мы остановились в той же гостинице, хозяин которой знал, что я приезжаю в этот город не только по торговым делам, но и для устройства своих семейных дел. Мы были уверены, что в случае необходимости хозяин гостиницы даст о нас в полицию хороший отзыв. Теперь предстояло познакомиться Лизу с Луисом.

Мы приехали к Луису в магазин «К». Покупателей не было. Он встретил нас приветливо и даже нашел, что Лиза похожа на «К». В тот же день все трое отправились на кладбище, возложили венок на могилу «К», и тут Луис разрыдался. Он рассказал о сердечности и доброте нашего разведчика, о собственном невезении в жизни, о том, что больше не может верить в Бога: «Бог не помог мне, когда я был в плену в Германии, Бог не помог мне, когда я бился лбом о стену, чтобы выстоять перед бедностью, и вот сейчас, когда мне так

тяжело жить, я опять теряю работу. Как мне прокормить большую семью?»

После кладбища мы заехали к нотариусу. Посмотрев документы, тот заявил: «Из этих документов следует только то, что ваша мать, госпожа Лиза, и мать “К” носили одну и ту же фамилию. Юридическую силу имеет документ, удостоверяющий, что их матери были родными сестрами, а не однофамилицами».

Дело начинало осложняться, нотариус посоветовал нам, если у нас нет других доказательств, получить документ, заверенный двумя свидетелями, знающими «К» и Лизу с детства, из которого следовало бы, что они действительно двоюродные брат и сестра. Нотариус тут же добавил, что одним свидетелем могу быть я.

Предстояло найти второго свидетеля. Кого? Кто бы мог под присягой показать, что с детства знает Лизу и ее мать, родную тетку «К»? Но все это ведь легенда... Как бы то ни было, терять родственника было бы неразумным!

Центр согласился с этим и рекомендовал воспользоваться услугами знакомых. Но мы пока не располагали большими связями, у нас были только Куница, Соболь и Тюльпан — и это все.

Своим компаньонам по фирме я всегда давал понять, что наш покойный родственник был человеком с капиталом. Теперь же, прикрываясь наследством «К», я рассчитывал еще больше укрепить свой престиж. Поэтому использовать их в качестве свидетелей было нецелесообразно. Оставался один Тюльпан!

Мы пригласили его в кафе, Лиза рассказала о поездке и наследстве, обрисовала ситуацию так, будто речь шла о богатстве, которое мы, к сожалению, не можем получить ввиду отсутствия одного свидетеля. Когда Тюльпан заинтересовался наследством, то я заявил, что речь идет об очень крупной сумме. Первая беседа на этом закончилась. Никаких просьб и намеков Тюльпану не давали.